

Они ехали по лесу действительно целых два дня и порой были не в состоянии различить, солнечный или лунный свет косыми лучами падает на землю сквозь плотную густую листву — такой плотной завесой отделял их от неба лес. Ничто здесь не напоминало о том, что по ту сторону деревьев и кустов есть что-то еще, как будто весь мир был не чем иным, как огромным, нескончаемым лесом, в котором дни и ночи стали единым целым, и наступающая зима казалась чем-то совершенно невероятным.

Однообразие действовало на нервы. Куда ни посмотри, все одно и то же: кусты, деревья, поросль. Мучительно медленно тянулось время. Минуты складывались в часы, часы в сутки, и в конце одного дня возникло чувство, что с утра прошла вечность, которую они проводят в скучающем ничегонеделании. Во всем этом самым тяжелым было безделье, от которого никуда не деться.

Двигаясь по дороге друг за другом на юго-восток, они обсуждали лишь самое необходимое. Несколько раз они останавливались отдохнуть у маленьких родников или ручьев, чтобы напоить лошадей, а вечером у обочины разбивали лагерь, не только чтобы дать лошадям отдохнуть, но и самим немного поспать. Вскоре весь хлеб был съеден, но Ян оказался ловким охотником, и в первый вечер путешествия на его копье попал другой вальдшнеп, а во второй — он вернулся из зарослей с бурбуром. Фальк никогда раньше не видел этих больших, величиной с собаку, похожих на крыс млекопитающих, и бледная, безволосая кожа зверя, длинный голый, толщиной в палец хвост вызвали у него брезгливое фырканье. Ян отрубил животному голову, насадил тушку на палку, чтобы поджарить на костре, и в конце концов голод взял верх, и Фальк жадно проглотил свою долю, удивленный, как нечто столь омерзительное с виду может оказаться таким вкусным.

Между тем зима окончательно вторглась в Анкарию, и даже если снег не попадал внутрь леса, Зара чувствовала его запах и по ночам было жутко холодно.

Раны Яна заметно заживали. Ушибленные ребра, правда, причиняли боль при слишком резком движении, но скоро это пройдет, и о встрече с грабителями будут напоминать только душевные раны. Зара по собственному опыту знала, что эти раны будут болеть дольше всего. То, что касалось ее, то раны полностью зажили уже в первый день; только два маленьких круглых шрама напоминали о стрелах. Но даже если ее спутники и удивлялись этому, никто не обронил ни слова, за что Зара была благодарна им.

В последнюю ночь, когда после еды они расположились вокруг костра, чтобы поспать несколько часов, Зара заметила, что Ян тихо молится, вероятно решив, что они с Фальком уже спят. И хотя молился он тихим шепотом, сопровождаемым слабым шелестом листвы, Зара смогла разобрать, что он говорил. Он просил о том, чтобы Бог сохранил его любимую Ванью, чтобы на том свете жизнь у сестры была лучше, чем при жизни, и чтобы у Зары хватило сил убить зверя.

Зара делала вид, что крепко спит, но внимательно слушала каждое слово, слетавшее с губ Яна. Она не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь включала кого-нибудь в молитву перед сном помимо матери, и медленно, но верно ощутила все возрастающий груз ответственности, который взвалила на себя. Ян в ней видел спасение для Мурбрука, а она не имела ни малейшего представления, справится с этим или нет.

В конце второго дня в туманных сумерках появился Мурбрук. Ян радостно и с облегчением вздохнул — он снова дома. Фальк, наоборот, удивленно заморгал. Зара не знала, чего он ожидал от этого места, но, очевидно, совсем не того, что увидел возле подножия небольшого, поросшего лесом холма.

Мурбрук состоял всего из нескольких дюжин домов, хижин, крестьянских дворов и зданий, беспорядочно расположенных на прогалинах между деревьями, словно цветные кляксы, небрежно разбросанные ребенком на листе бумаги. В основном — жалкие, перекошенные домишки с крышами из дранки, некоторые с небольшим садом или ветхим сараем, но были и довольно импозантные здания из бутового камня с ярко-красными черепичными крышами. Из труб в серый, туманный воздух поднимались столбы дыма, а из многочисленных окон падали на свежее выпавший снег отблески света. Возле деревни протекал ручей, переправившись через который по каменному мосту вы оказывались в Мурбруке.

Лабиринт из протоптанных дорожек связывал здания друг с другом, а широкая грунтовая дорога вела к церкви, возвышающейся на самом краю деревни. Здание не походило на храм, в котором почитают древних богов, скорее всего это было место богослужения единственному Богу религии, все шире распространявшейся в Анкарии и основанной на милости и спасении. К церкви примыкало небольшое кладбище, с множеством покосившихся уже надгробных камней и крестов, знаков той веры, которой жители Мурбрука явно были привержены.

В самом центре Мурбрука, на просторной площади со старым каменным колодцем в середине, были воткнуты в землю факелы, мерцающий свет которых пытался противостоять быстро наступающей темноте ночи, в то время как вонючий дым туманом стелился по земле.

С балок и карнизов свисали длинные ледяные сосульки, кусты и заросли застыли в белом великолепии.

На краю освещаемой факелами площади стояло большое двухэтажное каменное здание с остро сужающимся фронтоном. Над дверью на железных цепях висела деревянная вывеска, указывающая, что это гостиница, к тому же с множеством постояльцев, так как за окнами Зара заметила мелькающие тени.

Если бы не свет за окнами, Мурбрук напоминал бы вымерший город, легко можно было предположить, что жители давным-давно его покинули.

— Боже мой, — тихо, чтобы не услышал Ян, пробормотал Фальк. Невольно он поднял воротник, так как чем ближе они подходили к опушке леса, тем холоднее становилось. — Возможно, здесь и не задворки мира, но те явно неподалеку...

Зара остановила лошадь и обвела взглядом поселение.

— Все выглядит мирно, — сказал Ян, и на его лице промелькнула легкая улыбка.

— Как будто зло никогда не ступало на эту часть земли.

Он показал на маленький двор на краю поселения.

— Там живу я... вместе с сестрой Элой, после того как зверь убил мою младшую сестру. Мой дом весьма скромный, но я буду рад оказать вам гостеприимство.

Прежде чем Зара успела что-либо ответить, начали звонить церковные колокола; глубокий, насыщенный звук колоколов доносился до них как предостерегающее приветствие — «До-донг! До-донг!» — и внезапно улыбка застыла на лице Яна.

— Колокола, — прошептал он. — Должно быть, что-то случилось!

Молодого человека уже ничто не могло удержать. Не сказав более ни слова, он пришпорил лошадь и помчался по заснеженному холму вниз. Из-под копыт летели снег и комья земли. Зара поскакала следом. Мурбрук неожиданно пробудился к жизни, и улочки заполнились взволнованными людьми. Почти из каждого дома выскочили мужчины, женщины и дети, многие вооруженные топорами, дубинами и вилами, а из гостиницы высыпали люди в дворянских мундирах и охотничьих костюмах. Над Мурбруком плыл глухой звон церковных колоколов, разрывающий сумерки, болью отдаваясь в ушах. Зара согласилась с Яном: такой звон не предвещает ничего хорошего.

Через некоторое время она достигла первых домов Мурбрука, но в отличие от Яна, во весь опор несшегося к трактиру на площади, Зара сдерживала своего жеребца. В какой-то момент Фальку показалось, будто что-то в Заре противится въезжать в Мурбрук, затем ему показалось, что он определил причину ее нерешительности, — все встречные люди бросали на них скептические взгляды, когда они верхом спокойно ехали мимо домов. Десятки людей с впалыми щеками, ввалившимися глазами и бледной кожей недоверчиво оглядывали новоприбывших, когда Зара и Фальк ехали по Мурбруку. Фальк заметил, что некоторые из мужчин крепче сжимали топоры и дубины, как будто опасаясь, что чужаки хотят им зла.

Фальку бросилось в глаза, что Зара избегает смотреть на жителей Мурбрука. Сначала он подумал, что она просто не хочет лишней раз провоцировать и без того запуганных жителей пристальным разглядыванием, но затем пришел к выводу, что это не все. Нечто иное заставило Зару помедлить. Сам же Фальк, увидев вполне мирную картину лежащего у подножия холма поселка, в какой-то момент даже испугался, что они приехали слишком поздно и «вооруженному отряду горожан» удалось в конце концов убить зверя. Но, увидев испуганные лица, на которых явственно читался страх, отбросил эту мысль.

Когда они оказались на площади, там царил какое-то нервное оживление. Внимание всех было приковано к долговязому юноше в длинном, выцветшем пальто, который бежал по заснеженной дорожке от церкви. При каждом шаге белые облачка дыхания вылетали изо рта, и когда он подбежал достаточно близко, чтобы люди могли его услышать, воскликнул, стараясь перекричать звон колоколов:

— Зверь! У пруда! Зверь снова напал!

Испуганный шепот пробежал по толпе, пожалуй, втайне все ожидали именно этих слов, но подтверждение догадки тем не менее повергло их в ужас. Казалось, на освещенной факелами площади на лицо каждой женщины, каждого мужчины и каждого ребенка неожиданно легла мрачная тень. Две или три женщины заплакали, дети крепче прижались к матерям, и отцы защитным жестом положили руки на плечи молодых дочерей, на лицах которых отчетливо был написан не только ужас, что снова кто-то из их подруг погиб, но одновременно и облегчение, что их самих в очередной раз пощадили.

Ян спешил пробраться через толпу к гостинице, из двери которой косая полоса света падала на снег. Жители Мурбрука потеснились, уступая ему дорогу. Нетерпеливый взгляд Яна скользил по лицам собравшихся, но того, кого он искал, здесь не было, и он явно нервничал. Он соскочил с лошади, подбежал к юноше в оборванном пальто, схватил его обеими руками за плечи и стал со всей силы трясти.

— Что случилось? На кого напала бестия? Кто это? Да говори же, парень!

Его голос дрожал, и паника была в глазах, когда он представлял, что на этот раз Ванья пала жертвой зверя, а он вернулся слишком поздно.

Тщетно в глубине души Ян надеялся, что юноша успокоит его. Тяжело переводя дух, тот затряс головой.

— Я не знаю. С колокольни я видел только тело. Оно лежит там, у пруда, совсем неподвижно.

Он указал направление, на щеках его лихорадочно горели красные пятна.

Ян проследил взглядом за его рукой и не стал терять ни секунды. Он снова вспрыгнул на лошадь и с помертвевшим от тревоги лицом поскакал прямо на бросавшихся врассыпную людей в направлении пруда. Не ожидая своих спутников, не устаивая никого даже взглядом, он пронесся по площади мимо колодца и исчез за ближайшими домами.

Лицо Зары исказила гримаса.

— Любовь, — пренебрежительно пробормотала она, — всех людей превращает в идиотов...

— Кроме тех, которые уже являются таковыми, — заметил стоявший рядом Фальк.

Он прищелкнул языком и погнал лошадь вслед за Яном, в то время как колокола постепенно утихли и эхо их звона глухо и холодно растаяло в ледяном воздухе.

<http://tl.rulate.ru/book/15991/319215>